

Вальтер Скотт

Эдинбургская темница

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
С44

С44 **Скотт В.**
Эдинбургская темница / Вальтер Скотт – М.: Книга по Требованию, 2011. – 396 с.

ISBN 978-5-4241-2805-9

"Эдинбургская темница, или Сердце среднего Лотиана" (1818) относится к так называемым шотландским романам В. Скотта, которые в целом представляют собой гигантскую эпопею, повествующую о длительном историческом процессе слияния Англии и Шотландии в одно объединенное королевство (со времен английской буржуазной революции 1640-1660 гг. и вплоть до конца XVIII в.).

Особый интерес в романе "Эдинбургская темница" представляет образ простой крестьянской девушки Джини Дине, олицетворяющей лучшие черты своего народа - его совесть, живой ум, неподкупную честность, находчивость, непоколебимую волю и природную энергию.

ISBN 978-5-4241-2805-9

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2011

Вальтер Скотт
Эдинбургская темница

ГЛАВА I. ВВОДНАЯ

*По склону Ашборн мчится в клубах
пыли*

*С шестеркой пассажиров Дерби-
дилли.¹*

Фрир

Ни в чем не наблюдаем мы столь быстрых перемен, как в способах доставки почты и пассажиров из одной части Шотландии в другую.

Каких-нибудь двадцать — тридцать лет назад, по свидетельству многих заслуживающих доверия старожилков, почта из столицы Шотландии во все ее концы доставлялась на маленькой жалкой повозке, с трудом делавшей тридцать миль per diem². Да что Шотландия! Всего лишь восемьдесят лет назад не лучше обстояло дело и у нашей более богатой соседки — Англии. Недаром медлительность почтовых карет осмеяна Филдингом в романе «Том Джонс» и Фаркером в небольшом фарсе под названием «Почтовая карета». По утверждению последнего, самые щедрые чаевые не могли заставить кучера ускорить прибытие в таверну «Бычья голова» более чем на полчаса.

Ныне эти старые, медленные, но зато безопасные способы передвижения неведомы ни у нас, ни в Англии; по самым глухим окраинам Англии наперегонки мчатся дилижансы и мальпосты. А через наше село ежедневно проносятся четыре дилижанса и три почтовых кареты с вооруженными берейторами в красных ливреях, соперничающая шумом и блеском с изобретением прославленного тирана древности:

Неподражаемый пламень небес и тучи — безумец! -

Медью и стуком хотел заменить роговогих он коней!

В довершение сходства и в назидание дерзостным возницам случается, что судьба этих удалых соперников Салмонаея завершается столь же плачевно, как и судьба их прототипа. Вот тогда-то пассажиры как внутри кареты, так и на империале имеют основания сожалеть о прежних медленных и надежных «Летучих каретах», которые по сравнению с колесницами мистера Палмера столь мало заслуживали свое название. Прежний экипаж неславно заваливался набок, как затопляемый корабль, постепенно заполняющийся водою, тогда как нынешний разлетается вдребезги, подобно тому же судну, наскочившему на рифы, или, вернее, пушечному ядру, завершившему свой путь по воздуху. Покойный мистер Пеннант — большой оригинал и непримиримый противник современной быстрой езды — составил, как мне говорили, устрашающий список подобных происшествий; а если добавить к этому алчность трактирщиков, которые заламывают неслыханные цены — благо проезжающим некогда торговаться, — наглость кучеров и неограниченный произвол тиранов, именуемых кондукторами, составится весьма мрачная картина убийств, грабежей, вымогательства и мошенничества. Но в своем нетерпеливом стремлении к быстрой езде люди пренебрегают опасностью и не слушают увещаний. Назло уэльскому любителю старины мальпосты уже грохочут у подножия Пенмен-Моора и Кадер-Идрис, и

Дрожат холмы, издалека

Заслышав скрип и лязг возка.

Недалек день, когда эхо Бен-Невиса тоже будет потревожено, но не боевым рогом воинственного вождя клана, а почтовым рожекком.

Был погожий летний день; по просьбе одного доброго посетителя³ я отпустил своих школьников раньше обычного. В тот день я ожидал с почтовой каретой новый номер интересного периодического издания и вышел на дорогу навстречу карете с тем нетерпением, с каким сельский житель, описанный Каулером, жаждет новостей из столицы:

... Торжественная речь,
Жестокий спор, язвительный ответ,
И логика, и мудрость, блеск остроумия,
И громкий смех — я жажду вас услышать.
Горю желаньем вас освободить
Из плена, спорщики. И возратить
Вам голос, и звучание, и жизнь.

С такими именно чувствами я ждал появления кареты, с недавних пор ходившей по нашей дороге под названием «Сомерсет»; должен сказать, что я люблю встречать почтовую карету даже и тогда, когда она не везет мне ничего интересного. Дребезжащий стук колес достиг моих ушей, едва я взошел на вершину отлогого холма, называемого Гослин-брэй, с которого открывается широкий вид на долину реки Гэндер. Дорога, которая поднимается вдоль берега этой реки, а затем пересекает ее по мосту, в четверти мили от того места, где я стоял, вьется частью между огороженных мест и пашен, частью среди общинных пастбищ и выгонов. Меня могут назвать ребячливым, но жизнь моя протекла среди детей, и отчего бы мне не разделять их радостей? Итак, пусть это будет ребячливость, но, признаюсь, я с удовольствием слежу за приближением кареты, когда повороты дороги открывают ее нашим глазам. Нарядный вид экипажа, его размеры, издали кажущиеся игрушечными, быстрота его движения, когда он то скроется, то покажется вновь, и нарастающий шум, который возвещает его приближение, — все привлекает праздного зрителя, не занятого ничем более серьезным. Пусть же смеется, кто хочет, надо мной, а заодно и над множеством почтенных горожан, которые любят следить из окна за проезжающим дилижансом. Занятие это весьма свойственно людям, и многие из тех, кто поднимает его насмех, сами, быть может, украдкой им развлекаются.

В тот день, однако, мне не суждено было до конца насладиться любимым зрелищем и дожидаться, когда карета проедет мимо, а кондуктор хриплым голосом окликнет меня и на ходу вручит долгожданный пакет, ни на секунду не замедляя при этом движения экипажа. Я видел, как карета съехала со спуска, ведущего к мосту, с необычной даже для нее стремительностью, то появляясь, то исчезая в клубах ею же поднятой пыли и оставляя позади себя словно полосы летнего тумана. Но прошло три минуты — время, достаточное, по моим многократным наблюдениям, чтобы переехать мост и преодолеть подъем, — а карета все еще не появлялась на нашем берегу. Когда прошло еще столько же времени, я встревожился и поспешно зашагал ей навстречу. Выйдя к мосту, я сразу увидел причину задержки: «Сомерсет» опрокинулся, да так основательно, что лежал вверх колесами. Кучер и кондуктор, «проявив исключительную энергию», — как потом с похвалой отметили газеты, — успели уже перерезать постромки и высвободить лошадей, а теперь извлекали из кареты пассажиров, применив для

этого «кесарево сечение» — иначе говоря, сорвав с петель одну из дверей, ибо открыть ее обычным путем не было возможности. Таким способом из кожаного чрева кареты были извлечены две весьма расстроенные девицы. Судя по тому, что они немедленно занялись своим туалетом, который, как и следовало ожидать, был в некотором беспорядке, я заключил, что они не получили ушибов; что же касается туалета, то я не осмелился предложить свои услуги, чем немало повредил себе, как оказалось впоследствии, в глазах прелестных потерпевших. Пассажиры на империале, которые были сброшены со значительной высоты толчком, подобным минному взрыву, отделались, однако, лишь незначительными царапинами и ушибами, исключая троих, угодивших в реку Гэндер, — эти еще боролись с водной стихией, подобно спутникам Энея, уцелевшим после кораблекрушения:

Редкие видны пловцы среди обширной пучины.

Я поспешил со своей скромной помощью туда, где в ней, по-видимому, была наибольшая нужда, и при содействии тех из пассажиров, кто остался невредим, вскоре выловил двоих из упавших: оба они были сильные и здоровые молодцы, которым едва ли понадобилась бы помощь, не будь на них длиннейших модных пальто и столь же длинных и широких «веллингтоновых» панталон. Третий был стар и немощен и мог бы погибнуть, если б не наши усилия.

Выбравшись на сушу и отряхнувшись, словно огромные морские котики, джентльмены в пальто начали яростные пререкания с кучером и кондуктором относительно причины несчастья. Слушая эту перебранку, я заключил, что оба моих новых знакомя принадлежат к сословию адвокатов и что их профессиональная изворотливость должна одержать верх над возницами, которые в ответ лишь угрюмо отругивались. Наконец кондуктор заверил пассажиров, что их повезут дальше в большом дилижансе, который ожидался менее чем через полчаса, при наличии в нем свободных мест. Обстоятельства складывались благоприятно для путников: когда ожидаемый дилижанс прибыл, из шести мест внутри его занятыми оказались только два. Обе дамы, извлеченные из опрокинувшейся кареты, были приняты охотно; что же касается адвокатов, то их одевания, пропитавшиеся водой, как губки, грозили причинить в дороге большие неудобства соседям, и пассажиры дилижанса решительно воспротивились водворению их внутрь экипажа. Адвокаты, со своей стороны, отказывались поместиться на империале, заявляя, что в прежней карете они заняли наружные места по собственному желанию и только на один перегон, ради разнообразия, сохранив за собой право в любое время пересесть внутрь кареты и специально оговорив это. После препирательств, во время которых делались ссылки на закон о *Nautae, caupones, stabularii*⁴, дилижанс проследовал дальше, а ученым джентльменам осталось лишь требовать возмещения убытков.

Они тотчас же обратились ко мне с просьбой проводить их в ближайшее селение и указать там лучшую гостиницу. Выслушав мою рекомендацию «Голове Уоллеса», они заявили, что лучше остановятся там, чем согласятся на условия, предложенные наглým кондуктором «Сомерсета». Теперь им нужен был только мальчишка для доставки их багажа, а его мы быстро нашли в одном из придорожных домиков. Они уже готовились двинуться в путь, когда оказалось, что еще один путешественник находится в одинаковом с ними затруднении. Это был тот пожилой, болезненный на вид человек, который вместе с ними упал в реку. Он, видимо, не осмелился предъявить свои требования кучеру, услыша, как были

отвергнуты притязания более значительных особ, а теперь робко стоял поодаль, всем своим видом говоря, что ему нечем обеспечить себе гостеприимство трактирщиков.

Я решился обратить внимание молодых шеголей на плачевное положение их попутчика. Намек мой был принят с добродушной готовностью.

— А ведь верно! Мистер Дановер! — обратился к нему один из молодых людей. — Что же вам тут оставаться? Пойдемте-ка пообедаем с нами. Мы с Холкитом все равно найдем экипаж, чтобы ехать дальше, и подвезем вас, куда скажете.

Бедняк — ибо таковым он казался по одежде и по робости — отвесил тот униженный поклон, которым шотландец как бы говорит: «Слишком много чести для таких, как я», и поплелся за своими веселыми покровителями, причем все трое поливали пыльную дорогу водой, струившейся с их намокшей одежды, — этот избыток влаги представлял забавный и нелепый контраст с окружающим летним пейзажем, где все под лучами полуденного солнца изнывало от зноя и засухи. Этот контраст был подмечен самими молодыми людьми: не пройдя нескольких шагов, они принялись отпускать на этот счет довольно удачные шутки.

— Мы не можем пожаловаться, как поэт Каули, — сказал один из них,

— что руно Гедсона осталось сухим посреди влажной стихии. С нами произошло нечто противоположное этому чуду.

— Нас должны с почетом встретить в городе: мы несем им то, в чем они, как видно, больше всего нуждаются, — сказал тот, кого называли Холкитом.

— И проявляем при этом невиданную щедрость, — подхватил его приятель. — Поливаем их пыльную дорогу, точно три водовозные бочки.

— Мы явимся перед ними в полном составе, — сказал Холкит. — Адвокат, стряпчий...

— ... и клиент, — сказал молодой адвокат, оглянувшись, и прибавил, понизив голос: — который, судя по его ощипанному виду, давно уже имеет дело с нашим братом.

Действительно, у смиренного спутника молодых весельчаков был весьма потрепанный вид обнищавшего истца, разоренного тяжбами, и я невольно улыбнулся их догадке, хотя и постарался скрыть улыбку от предмета шуток.

Когда мы добрались до гостиницы «Уоллес», старший из эдинбургских джентльменов, который, по моему предположению, был адвокатом, настоял, чтобы я отобедал с ними; они подняли на ноги все семейство хозяина, потребовав извлечь из кладовой и погреба самые лучшие припасы и приготовить их наилучшим образом, и проявили при этом обширные познания в кулинарном искусстве. Во всем прочем они оказались веселыми малыми, в расцвете молодости и жизненных сил, истыми представителями верхушки своего сословия, весьма напоминавшими судейскую молодежь времен Аддисона и Стиля. К осведомленности и рассудительности, которые они проявляли в беседе, примешивалась беспечная веселость; они стремились сочетать качества людей деловых и в то же время светских, любителей изящного. Подлинный аристократ, воспитанный в той полной праздности и духовной пустоте, которые, насколько я понимаю, необходимы для создания безупречного джентльмена, вероятно, усмотрел бы у адвоката налет профессиональной педантичности, который тому не удавалось скрыть,

а у его приятеля — некоторую излишнюю суетливость, и наверняка нашел бы в их беседе больше учености, а также оживления, чем подобает настоящему светскому человеку. Но я, настроенный не столь критически, с удовольствием находил у моих спутников счастливое сочетание хороших манер и широкого гуманитарного образования со склонностью к веселой болтовне, каламбуру и шутке, пленяющей серьезного человека потому, что сам он на них неспособен.

Худошавый и болезненный человек, которого они по доброте своей пригласили в свое общество, казался там не на своем месте и не в своей тарелке: он сидел на краешке стула, а стул не решался придвинуть ближе чем на два фута к столу, чем изрядно затруднял себе доставку пищи в рот, словно желая искупить этим дерзость, которую проявил, затесавшись в столь избранную компанию. Вскоре после обеда, отказавшись от вина, которое в избытке стало ходить у нас по кругу, он осведомился, к какому часу заказан экипаж, и, сказав, что будет готов, смиренно удалился.

— Джек, — сказал адвокат своему спутнику, — мне знакомо лицо этого бедняги. А ведь ты угадал, это действительно один из моих клиентов.

— И верно, что бедняга! — отозвался Холкит. — Но ты, должно быть, хотел сказать: единственный из твоих клиентов?

— Не моя вина, Джек, — ответил адвокат, которого, как выяснилось, звали Харди. — Ведь ты должен передавать мне все свои дела, а если и у тебя их нет, так из ничего и не будет ничего, это подтвердит и наш ученый собеседник.

— Однако у этого горемыки все же было что-то, а ты обратил это в ничто. Судя по его виду, он скоро почтит своим пребыванием сердце Мид-Лотиана.

— Ошибаешься: он только что оттуда. Но я вижу, что наши речи непонятны нашему собеседнику. Вы бывали в Эдинбурге, мистер Петтисон?

Я отвечал утвердительно.

— В таком случае вы, наверное, проходили, хотя и не так часто, как я, — мне это приходится постоянно, — по узкому, извилистому переходу, который начинается от северо-западного угла Парламентской площади и идет вдоль высокого старинного здания с башнями и железными решетками. Там все как в поговорке: «От церкви близко, от бога далеко...»

— Есть про это место и еще поговорка, — вмешался Холкит, продолжая загадку: — «От сумы...»

— В общем, — закончил адвокат, в свою очередь, прерывая приятеля, — это такое место, где несчастье сходит за вину, место, откуда каждый желает вырваться...

— И куда никто не стремится попасть, — добавил друг мой.

— Я понял вас, джентльмены, — сказал я. — Вы имеете в виду тюрьму.

— Вот именно, — подтвердил молодой адвокат, — Эдинбургскую темницу, или, иначе, Толбут. Заметьте, мы описали ее вам весьма кратко, а могли бы расписать как нам заблагорассудится: теперь, когда отцы города постановили срыть это почтенное здание до основания, ничто уже не сможет ни подтвердить, ни опровергнуть наши рассказы.

— Так вот что называют сердцем Мид-Лотиана! — сказал я.

— Да, под этим названием оно известно лучше всего.

— Должен заметить, — сказал я с той застенчивостью, с какой человек позволяет себе каламбур в обществе, где отнюдь не рассчитывает блеснуть, — что

в таком случае у графства Мид-Лотиан печально на сердце.

— Отлично сказано, мистер Петтисон, — сказал Харди. — Да, это холодное сердце, каменное сердце! .. Слово за тобой, Джек.

— Сердце, где всегда найдется место бедняку, — подхватил Холкит, стараясь не отстать.

— Зато это сердце нелегко разбить, — продолжал адвокат. — Кажется, последнее слово остается за мной. Неужели ты уже пасуешь, Джек?

— Ты читаешь у меня в сердце, — сказал со смехом младший из друзей.

— Тогда оставим эту тему, — сказал Харди. — А, право, жаль, что осужденной на слом темнице не предоставят того права, каким пользовались многие ее обитатели. Почему бы не издать «Последнюю исповедь и предсмертные признания Эдинбургской темницы»? Правда, старые стены не узнают своей посмертной славы, но разве не было так со многими беднягами, которые болтались в петле на восточной башне, а разносчики между тем торговали «Исповедью» и «Признаниями», которых преступник и не думал делать?

— Если позволите высказать мое мнение, — сказал я, — боюсь, что признания эти оказались бы однообразным перечнем бедствий и преступлений.

— Ошибаетесь, — сказал Харди. — Тюрьма — это целый мир, с особыми, только ему свойственными печалью и радостями. Жизнь ее обитателей нередко обрывается прежде времени, но ведь такова и участь солдат. Арестанты бедны, если применять к ним нашу мерку; однако и среди них есть разница состояний, так что некоторые оказываются относительно богаты. Они никуда не могут уйти, но не так ли бывает и с гарнизоном осажденной крепости или с экипажем корабля, ушедшего в дальнее плавание? Кое в чем тюрьма даже лучше: там можно прикупить съестного, если есть деньги, и, во всяком случае, никто не принуждает вас работать.

— Вряд ли, однако, — сказал я (не без тайного умысла вызвав собеседника на откровенность, в надежде услышать что-нибудь интересное для моей новой темы), — вряд ли в тюремной хронике будет достаточное разнообразие событий.

— Разнообразие будет бесконечное, — возразил молодой адвокат. — Все, что есть в жизни необычайного и страшного, — преступление, обман, безумство, неслыханные бедствия и невероятные повороты фортуны, — всему этому будут примеры в моей «Последней исповеди Эдинбургской темницы»; их будет достаточно, чтобы удовлетворить даже ненасытный аппетит публики, всегда падкой до чудес и ужасов. Романист тщетно ломает голову, стараясь разнообразить свою повесть, но как редко удается ему найти образ или положение, которые еще не примелькались читателю! И похищение, и смертельная рана, от которой герой никогда не умирает, и опасная горячка, от которой героиня наверняка выздоравливает, оставляют читателя равнодушным. Подобно моему другу Краббу, я никогда не теряю надежды и полагаюсь на тот пробковый пояс, на котором герои романа благополучно выплывают из любой пучины.

Тут он с большим чувством прочел следующий отрывок:

Боялся я. Но не боюсь теперь
Узнать, что красоту терзает зверь
И что в темницу ввергнута она,
Коварному злодею отдана.
Пусть ров глубок, и стены высоки,

И на дверях железные замки,
Страж у дверей, бездушен и жесток,
Не променяет долг на кошелек.
Пушай мольбы утихнут, не задев
Сердца мужей и сердобольных дев,
И с высоты тюремного окна
Пусть не решится броситься она.
И помощь так безмерно далека,
Что не дожидаться целые века.
И все же сочинитель сыщет путь,
Чтобы свободу узнице вернуть.

Когда развязку можно угадать, — заключил адвокат, — книга теряет всякий интерес. Вот отчето никто нынче не читает романов.

— Что я слышу! — воскликнул его приятель. — Верите ли, мистер Петтисон, — когда бы вы ни навестили сего ученого мужа, вы всегда найдете у него последний модный роман — правда, искусно спрятанный под «Юридическими институтами» Стэра или «Судебными решениями» Моррисона.

— Разве я отрицаю это? — сказал юрист. — Да и к чему? Ведь известно, что эти пленительные Далилы завлекали в свои сети многих людей куда умнее меня. Разве мы не найдем романов среди бумаг наших известнейших адвокатов или даже под подушками судейского кресла? Мои старшие коллеги в адвокатуре и суде читают романы; а некоторые, если только это не клевета, даже сами их сочиняют. Про себя скажу, что я читаю по привычке и по лености, но не из подлинного интереса. Как шекспировский Пистоль, когда он ел свой порей, я клянчу книгу, но дочитываю ее до конца. Иное дело — подлинные повести о людских безумствах, записанные в судебных отчетах; прочтите их — и вам откроются новые страницы человеческого сердца и такие повороты судьбы, какие ни один романист не решился бы измыслить.

— И подобные повести, — спросил я, — вы предполагаете извлечь из истории Эдинбургской темницы?

— В большом изобилии, дорогой сэръ, — ответил Харди. — Позвольте, кстати, наполнить ваш стакан... Не там ли в течение многих лет собирался шотландский парламент? Не там ли укрылся король Иаков, когда разъяренная толпа, подстрекаемая мятежным проповедником, ворвалась туда, крича: «Да падет меч Гедеона на голову нечестивого Амана!» А с тех пор сколько сердец изнывало в этих стенах, сколько людей отсчитывало там последние часы своей жизни, сколько их отчаивалось при ударах часов! Сколько их искало поддержки в упорстве и гордости, в непреклонной решимости! Сколько их искало утешения в молитве! Одни, оглядываясь на совершенные ими преступления, недоумевали, как могли они поддаться искушению. Другие, в сознании своей невиновности, негодовали на несправедливость суда и тщетно искали пути доказать свою правоту. Неужели повесть об этих глубоких и сильных страданиях не вызовет столь же глубокого волнения и интереса? Дайте мне только издать шотландские «Causes celebres»⁵, и вы надолго насытитесь трагедиями. Истина всегда торжествует над созданиями самого пылкого воображения. *Magna est veritas, et proevalebit*⁶.

— Мне всегда казалось, — заметил я, ободренный любезностью моего говорливого собеседника, — что летописи шотландского правосудия должны быть в

этом смысле менее богаты, чем в любой другой стране. Высокий нравственный уровень нашего народа, его трезвость и бережливость...

— Сокращают число профессиональных воров и грабителей, — сказал адвокат, — но не спасают от безумных заблуждений и роковых страстей, рождающих преступления более необычные, а именно они и вызывают наибольший интерес. В Англии цивилизация существует гораздо дольше; люди там издавна привыкли подчиняться законам, применяемым неукоснительно и обязательным для всех; там каждому отведено в обществе определенное место; самые преступники составляют особую общественную группу, которая, в свою очередь, подразделяется на несколько категорий, сообразно способам хищений и их объектам. Эти сообщества тоже подчиняются известным правилам и обычаям, и они уже достаточно известны на Боу-стрит, в Хэттон-гарден и в Олд-Бейли. Наша соседка Англия подобна возделанному полю, где пахарь знает, что вместе с посевом, несмотря на все его старания, взойдет известное количество сорняков, и может заранее назвать и описать их. Шотландия же в этом отношении подобна собственным своим горным лощинам. Моралист найдет столько же исключительного в наших судебных летописях, сколько ботаник находит редкостных растений среди наших скал.

— И это все, что ты извлек из трехкратного чтения комментариев к шотландскому уголовному законодательству? — спросил приятель адвоката.

— Их ученый автор не подозревал, что примеры, с такой тщательностью и эрудицией собранные им для иллюстрации юридических концепций, могут быть превращены в какие-то приложения к растрепанным томам библиотеки романов.

— Пospoрю на пинту кларета, — сказал адвокат, — что это его не обидело бы. Но прошу не прерывать меня, как мы говорим в суде. Я еще немало мог бы порассказать из моих шотландских «Causes celebres». Вспомните, какие необычайные и дерзкие преступления порождались у нас долгими междоусобиями; или передачей судейских должностей по наследству, а это вплоть до 1748 года отдавало правосудие в руки людей невежественных или пристрастных; или нравами наших дворян, которые сидят по своим медвежьим углам и не впадают в полную спячку только потому, что лелеют чувства злобы и мстительности. Вспомните, наконец, ту приятную особенность национального характера, тот *perfervidum ingenium Scotorum*⁷, который наши законники приводят в оправдание суровости нашего законодательства. Когда я дойду до этих мрачных и зловещих дел, у читателя волосы встанут дыбом и кровь застынет в жилах... Но вот и наш хозяин. Должно быть, экипаж подан.

Оказалось, однако, что экипажа нет и не будет до утра, ибо сэр Питер Плайем только что перед тем угнал единственную четверку здешних лошадей в старинный город Баблбург, куда он направился по делам выборов. Но так как Баблбург — только один из пяти городишек, которые совместно выбирают одного депутата в парламент, то соперник сэра Питера воспользовался его отсутствием для проведения энергичной кампании среди избирателей другого городка, Битема, который, как известно, граничит с поместьем сэра Питера, а потому с незапамятных времен всецело подвластен роду Плайемов. Сэр Питер оказался, таким образом, в положении воинственного монарха, который, углубившись на неприятельскую территорию, вынужден немедленно возвратиться, чтобы защищать собственные владения. Сэру Питеру пришлось вернуться из наполовину завое-